

ТОРЖЕСТВО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

ОГНЯМИ большого праздника сверкает Горький. На афишах, плакатах, транспарантах, которыми украшен город, — имя замечательного советского композитора **Дмитрия Дмитриевича Шостаковича**. Второй горьковский музыкальный фестиваль, который проходит в эти дни, целиком посвящен его творчеству.

Программа фестиваля включает более 40 концертов. В нем, кроме горьковчан, участвуют около 600 человек — гостей из Москвы, Ленинграда, Киева. Слушатели аплодировали дирижерам **Н. Рахлину** и **Г. Рождественскому**, **К. Кондрашину** и **А. Свешникову**, солистам **Т. Николаевичу**, **М. Ростроповичу**, **А. Оборину**, артистам Большого театра СССР и Московского музыкального театра имени **К. С. Станиславского** и **Вл. И. Немировича-Данченко**, Государственному академическому хору русской песни, квартетам имени **Бетховена** и имени **Бородина** и неизменному участнику всех программ праздника — симфоническому оркестру Горьковской филармонии.

Когда «Комсомольская правда» проводила анкету «На Марс — с чем?», то многие из читателей прислали письма, в которых называли лучшим музыкальным произведением века Седьмую симфонию Шостаковича.

Сегодня мы публикуем статью, рассказывающую об этой симфонии.

В первый год Великой Отечественной войны, в пору великого всенародного потрясения, в самом сердце залитой кровью, сражавшейся, несдающей России прозвучала Седьмая симфония **Дмитрия Шостаковича**.

Задуманная и возникшая в осажденном, блокированном Ленинграде, в страшные дни голода, бомбежек, артиллерийских обстрелов, она воспевала великое мужество, стойкость духа и нравственную силу народа.

Впервые исполненная 5 марта 1942 года в Куйбышеве, Седьмая симфония очень скоро распространилась по всему миру, как весть о бессмертии жизни и ее вечной победе над смертью, весть, посланная сквозь грозу навстречу будущему. Искусство советского художника утверждало это бессмертие, давило жизнь, красоту и подвиг Человека.

Симфонию слушали все сражавшиеся, боровшиеся, надеявшиеся; люди разных стран приносили к своим радиоприемникам, чтобы в ритмах музыки расслышать поступь победы, почувствовать дыхание мысли свободного мира; эта мысль возвышалась над фашистскими застенками, посещала пепелища и поля сражений, вновь и вновь напоминая о силе человеческого гения, несокрушимости стремления человека к добру, красоте и гармонии. Боевая присяга художника Родине, искусству и жизни стала воплощением мыслей и

чувств всей страны, сделалась одним из тех свершений, какими великий народ откликается на великие события жизни, открывая при этом миру богатства своей души.

Люди доброй воли во всех странах приветствовали силу и торжество человеческого духа: «...Шостакович говорит не только от имени великой России, но от всего человечества».

«...Никогда ни одно произведение искусства не создавалось с такими возвышенными целями и при таких исключительных обстоятельствах...»

«...Эта музыка выражает мощь Советской России так, как этого никогда не сможет сделать слово...»

А старейший американский поэт **Карл Сандберг**, хорошо знакомый советским читателям по переводам наших поэтов, написал автору симфонии:

«...Красная Армия сражается против самой страшной военной машины... Весь мир, застав дыхание, следит за этой борьбой. И мы слышим вас, **Дмитрий Шостакович**, мы знаем, что вы находите там и создаете музыку, рассказывающую об этой борьбе...»

Таково было начало жизни симфонии о войне и о мире. В истории русской культуры она заняла место наряду с патристической эпопеей Толстого, народными драмами Мусоргского и другими замечательными произведениями русского гения.

В годы, когда под угрозой уничтожения находились не только величайшие ценности и завоевания мировой культуры, но и самое право человека быть человеком, она защищала это право. Здесь мы встречаемся с одной из самых лучших и сокровенных традиций национальной русской культуры, всегда обращавшейся к совести современников и потомков, оберегавшей и хранившей чистоту человеческого облика.

Хотя симфония не имеет того, что мы называем литературной программой, сюжетом, ее образы, смелые, яркие, наполненные жизнью и движением, вся концепция произведения, весь дух музыки — взволнованная повесть о подвиге советского народа в борьбе за торжество человечности.

В каждом повороте мелодии, каждом ее изгибе мы ощущаем присутствие незабываемого времени, слышим его дыхание. Подобно некоей живой, звучащей летописи раскинулись перед слушателем четыре части этой современной «Илиады».

Всякий раз, слушая Седьмую симфонию, мы не перестаем поражаться грандиозному плану ее первой части со знаменитыми двумя контрастными образами жизни и смерти, мира и уничтожения.

Начало части — светлое и широкое пение струнных, словно вольная и спокойная песня, несущаяся над просторами страны. Эта песня растет, ширится, картина будто раздвигается вдаль, к голосу струнных присоединяются голоса других инструментов и оркестровых групп; вскоре мы слышим полнозвучный хор оркестра, потом — снова пение струнных с новой мелодией скрипок, такой же светлой и гармоничной, как и первая. Эта новая мелодия продолжена у деревянных духовых: гобоя и флейты. Весь первый раздел — словно залитый солнечным светом образ мирной жизни прекрасной страны. Этот образ — один полюс музыки. Ему резко противопоставлен другой: лик другого мира, страшный, звериный лик, угрожавший жизни на земле.

С прозорливостью истинно великого художника композитор выявил внутреннюю сущность этого мира: то была целая индустрия уничтожения, машинизированная, ме-

ханизированная, человеконенавистническая сила. Смерть в образе исправно, точно работающей машины; массовое убийство, сделавшееся повседневным и будничным делом; машина, порождение человеческой мысли, убивающая человека, и человек, превращенный в машину, орудие убийства — таков облик фашизма.

Несомненно, каждый, кто хоть раз слышал Седьмую симфонию, не может не помнить исподволь возникающую в середине первой части отдаленную барабанную дробь, сухой и мерный стук, словно выбиваемый на невидимых барабанах сотней рук-автоматов. Как разрушительное шестие смерти, растапывающей все живое, приближается к слушателю движение. Очень скоро к барабанной дроби присоединяется и мелодический образ (он вырастает постепенно), подобие некоей примитивной песенки, вернее карикатуры на песенку: два-три нарочито нелепо повторенных, топчущихся на месте звука — и перед нами возникает жалкий духовный облик врага, полуживотного-полуробота, страшного в своей ненависти ко всему человеческому.

Этот мелодический и ритмический образ, олицетворяющий слепую разрушительную силу, бесконечно повторяясь, обрастает глоссами, создающими эффект приближения огромной движущейся массы. Но вдруг — в момент, казалось бы, наивысшего разгула сил разрушения — рождается еще одна мелодия, живая, выразительная, прекрасная в своем светлом мужестве. Ее напористое и волевое движение развивает «шестие зла», уничтожает «машину разрушения».

Гармония восстановлена, но это уже новая гармония. Она возникла на месте сокрушительной борьбы; раздается горестный, по-человечески выразительный голос фагота, оплакивающий погибших героев. И мы слышим прежнюю музыку по-новому, она приобрела теперь суровый отблеск отгремевших битв.

Во второй и третьей частях симфонии действие перенесено в безграничный мир

человеческой мысли. События жизни внутренней взяты необычайно широко, в контрастных противопоставлениях, на фоне богатства и разнообразия событий окружающего мира. Слово в далекой перспективе сменяются образы, проплывают воспоминания, внезапно нарушенные вторжением новых голосов и новых ритмов. В спокойное течение лирической мелодии врывается разноголосый шум улиц и площадей. Строгий и возвышенный хорал в третьей части сменяется трагическим, скорбным размышлением. Особенно глубока и разнообразна музыка третьей части; трудно отыскать в истории мирового симфонизма более сильные и волнующие страницы.

Финал симфонии — апофеоз победы — рождает действенные, активные образы. Все линии действия симфонии, и внутренние и внешние, завершены логически ясным концом — торжественным и светлым шествием победы, гимном возродившейся жизни.

Здесь, как и повсюду в симфонии, композитор обращается к своему слушателю на языке лаконичном, суровом и сжатом, но предельно выразительном, насыщенном, эмоциональном. Характерный стиль Шостаковича, не допускающий ничего расплывчатого, вялого, случайного, здесь особенно мужествен и строг.

...Более двадцати лет продолжается жизнь Седьмой симфонии Шостаковича, произведения, показавшего, чем может стать искусство — великое оружие человеческой правоты.

Эта музыка была голосом Родины для людей, оставшихся в осажденных городах, для бойцов, добывавших победу. Ее слушали в холодных, едва освещенных помещениях, хранивших походную суровость.

Мы слушаем Седьмую симфонию теперь в просторных залах, залитых мирным светом, и суровая красота искусства вновь приобщает нас к битве — к вечной, непрекращающейся битве за человечность, искусство и красоту.

Е. МНАЦКАНОВА.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»
7-МОСКВА
23 ФЕВ 1954